

УДК 811.161.1

Г.Н. Старикова

СОВРЕМЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ

В статье рассматриваются динамические процессы, характеризующие современные числительные: лексикализация сочетаний агглютинативного типа, сокращение числа склоняемых форм, тенденция к двуформности, влияние на отдельные парадигмы счетных слов форм числительных других структур, а также устанавливается связь данных процессов с историей формирования этой части речи, делается прогноз о перспективности изменения норм формообразования нумеративов.

Ключевые слова: числительные, тенденции развития, норма.

Идея счета возникла в праиндоевропейский период, что доказывается представленностью в современных числительных корнеслова этой эпохи (*duō, *penke, *dek'mt-, *tūs- и др.). А.А. Реформатский подчеркивал: «Число и умение мыслить числами – одно из великих и древних достижений человечества» [1. С. 76]. Развиваясь самостоятельными путями в различных языках мира, счетные слова ярче других частей речи демонстрируют антропоцентризм языковых систем, поскольку количественно-числовые представления восходят к человеку, его телу, на что неоднократно указывалось в научной литературе [2. С. 82]. Поскольку «именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность» [2. С. 90], числительные являют собой одну из самых интересных частей речи в языках разных типов, придающих своеобразие лексико-грамматическим системам последних. Так, ряд языков различает формы числительных при конкретном и отвлеченном счете, другие используют разные счетные системы при исчислении разнородных предметов и т.д. [3].

В грамматических системах славянских языков числительные также заняли особое место, составив своеобразный лексико-грамматический разряд, обозначающий количество как некую субстанцию, при которой имена исчисляемых предметов стоят в родительном падеже. Это слова, которые в отдельную часть речи выделил, кроме особой семантики, постепенный отказ от именных категорий: числа, рода и, как показывает современный материал, склонения – формы типа *не менее пятьсот, с триста двадцать пять, к шестьсот тридцать четыре* и подобные им весьма частотны в речи сегодняшних носителей языка, причем обычны для разных условий общения.

Несмотря на давность происхождения счетных слов, ни одна часть речи не вызывала в русистике столь продолжительных горячих дебатов в отношении ряда вопросов: какие единицы включать в данный грамматический класс имен (одни вводят в него слова типа *энный, много, столько, дюжина*, другие исключают лексемы *нуль, один, тысяча, миллион*), из чего следует проблема выделения разрядов в его составе (от 2 [4. С. 5] до 7 [5]). Нет единства среди лингвистов и в определении времени формирования числительных в само-

стоятельную часть речи, так как наблюдаемые в них активные изменения дают основания некоторым ученым считать этот процесс до сих пор не завершенным.

Со времени выхода в свет в 1986–1987 г. пособия М.А. Михайлова «Имя числительное как часть речи», представившего обзор данной части речи в учебной литературе [6], список научных трудов, посвященных счетным словам, пополнился существенным образом. Так, на материале современного языка выполнены монография Л.Д. Чесноковой [5], диссертации Ю.О. Чернобродовой [7], Е.В. Щениковой [8]. Работа И.Н. Дьячковой содержит комплексный анализ числительных в петровский и послеломоносовский период истории русского литературного языка [9], в исследовании Е.А. Галинской представлена подсистема нумеративов на определенном синхронном срезе в отдельной диалектной зоне [10]. Событием в диахронной русистике стал выход серии трудов, посвященных развитию грамматического строя древнерусского языка (XI–XIV вв.), четвертый том которой посвящен древнеславянским числительным [11]. В нем О.Ф. Жолобовым на материале большого корпуса источников дано подробное историческое описание счетных слов, обоснована их частеречная стратификация, приведены новые этимологические версии. Таким образом, интерес современных исследователей к этой в определенной степени немногочисленной группе слов, обусловленный продолжающимися в ней процессами сложения парадигм, свидетельствует о безусловно своеобразном пути развития нумеративов.

К настоящему моменту числительные представляют собой разнородный функционально-грамматический класс слов, который А.А. Реформатский обозначил эпитетом «причудливый» [1. С. 80], а В.В. Виноградов назвал «кучками лингвистической пыли» [12. С. 247]. Л.Н. Дровникова, исследовательница истории формирования счетных слов, отмечает, что их отличают «лишь лексические и синтаксические признаки... в морфологическом же отношении слова, объединяемые в часть речи «числительное», очень неоднородны» [13. С. 3]: достаточно вспомнить специфику структуры этих слов, двенадцать только основных типов их словоизменения, особенности сочетаемости с другими именами: *один – одна – одно, два – две – три – четыре, пять – десять, полтора – полторы, двадцать – тридцать, сорок, пятьдесят – восемьдесят, девяносто, сто, тысяча* и др. При этом ни одна из работ на эту тему не обходится без замечания, аналогичного виноградовскому – «сама система склонения у имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных» [12. С. 239]. Справедливость данной оценки подтверждается как историей формирования этой части речи (поздно выделились из состава имен, образованы из сочетаний различных типов), так и процессами, которые наблюдаются в счетных словах на наших глазах.

Отмеченная пестрота и разнообразие форм усугубляется нарушением норм словоизменения, равных которому другие части речи не знают: несмотря на призывы справочной литературы изменять каждый элемент в составе составных (*триста сорок два*) и сложных числительных (*семьдесят, две-сти*), в обиходе наблюдается стремление говорящих и пишущих упростить их склонение. И поскольку язык – продукт и орудие развития общества – есть

результат длительной эволюции, все сегодняшнее в нем определяется древними закономерностями его развития. Поэтому без исторической ретроспективы современные изменения не могут быть поняты и осмыслены до конца, определены тенденции этой динамики.

В распоряжении автора статьи оказался материал 315 тестов, предлагаемых абитуриентам Томского государственного университета, одно из десяти заданий которых требовало в трех разных вариантах образовать: родительный падеж от числительного 257 (106 работ), творительный от 364 (114) и предложный от 675 (95). Кроме того, в другом задании этих же вариантов тестируемым предлагалось указать предложения с грамматическими ошибками, где также встречались падежные формы составных числительных. Анализ этих материалов позволил сделать ряд выводов.

Хотя характер заданий («образуйте падежную форму») предполагал, что процесс утраты склонения числительными не будет отражен в ответах, эти ожидания не оправдались, что свидетельствует о его силе и необратимости. Процесс выразился: в отказе от выполнения этого задания (оно было единственным «отказным» в 11 случаях из 315), в сохранении формы именительного или образовании другого падежа, чаще родительного, создании неверных, искусственных форм (*шестисотстами, трестами, двухсот ста, двухсот пятьдесяти семи, шестидесятью, шестьюдесяти, шестьюдесятью* и др.) – речь идет о грамматике, а не орфографии. Правильные ответы по вариантам составили: 74,5% (род. п. от 257), 54,7% (предл. п. от 675), 31,6% (тв. п. от 364). И этот уровень представляется завышенным – как установкой задания, так и условиями его выполнения: думается, что реальные показатели еще скромнее.

Утрата составными числительными склонения видится результатом действия других тенденций, проявившихся ранее в сложении флексий простых и сложных числительных. Так, образование таких числительных и их парадигм стало следствием лексикализации подчинительных сочетаний со связями согласования или управления (**одинъ на десяте, три десяте, дѣвъ сътъ, пять сътъ**). То же мы наблюдаем и в составных числительных, представленных в древнерусском языке сочинительными сочетаниями (**200 да 70 да 5**) или подчинительными с предлогами (**200 с 70 с 5**), замененных затем на агглютинацию (в другой терминологии – соположение), которая логично привела в настоящее время к лексикализации данных форм.

Последняя выразилась в слитном написании числительных, т.е. произошла буквальная лексикализация (*о шестистахсемидесятипяти, об шестистахсемидесятипяти, двухсотпятидесятисеми*). В работах абитуриентов встретились формы, когда отдельно писались только единицы, склонение которых вызывает у них наименьшие трудности: *двухсотпятидесяти семи*. Наблюдаемое обратное явление – написание сложных числительных в два слова (*тремя стами шестьюдесятью четырьмя, шесть сот семи десяти пяти, шести стах семидесяти пяти, тремя стами шестидесятью четырьмя*) – представляется случаем гиперкоррекции того же процесса. Полная лексикализация неизбежно должна приводить к изменению лишь конечного элемента номинативной единицы, что и наблюдается в формах *двести пятьдесят семи, триста шестьдесят четырьмя, шестьсот семьдесят пяти*. Но сущест-

венно чаще встречаются формы, где падежные окончания (нередко неправильные) имеют два последних слова: *двесте пятидесяти семи, триста шестьюдесетю четвермя*, особенно часто – *шестьсот семидесяти пяти*.

На сложение форм числительных первого и второго десятков, названий десятков и сотен большое влияние оказали другие именные и местоименные парадигмы, в том числе счетных слов. В связи со сказанным представляется неслучайным образование в 35 работах (11%) форм не от количественных, а от порядковых числительных (*двести пятьдесят седьмого, триста (тристо) шестьдесят четвертым, о шестьсот семьдесят пятом*), где совершенно «законно» изменяется только последнее слово. Контаминацию парадигм этих двух типов числительных демонстрируют формы *двухсот пятидесяти седьмого, трехсот шестьдесят четвертым, шестьсот семидесяти пятому* (не тот падеж!), *шестисотом семьдесят пятом*. Взаимовлияние количественных и порядковых нумеративов обусловлено для современных носителей языка их семантической связью, исторически – характером их производности, на что указывает О.Ф. Жолобов: «Поскольку исконные порядковые числительные *pęť, *šestŭ являются именами, не могут не наследовать именной природы и деривационно соотносительные с ними праславянские *pęť и *šestŭ» [2. С. 88].

Оказывают взаимовлияние и соседние формы числительных в структуре составных: *шестьюдесатью четырьмя, шестидесяти четырма*. Отсюда, в частности, наибольшее количество ошибок в образовании падежной формы от числительного *364*, составленного из счетных слов разных структур (и потому – разных словоизменительных типов). Например, близко к 100 % правильные ответы даны на запрос образовать родительный падеж от *50*, предложный от *70*, но при образовании творительного от *60* (в составе числа *364*) тестируемые показали максимальный разброс форм (см. выше), обусловленный морфонологическим сближением соседних слов.

В сокращении числа склоняемых форм, ведущем к их утрате, видится еще одна тенденция, также уже проявившаяся в ранее сформировавшихся числительных, – стремление к двуформности этих имен, к противопоставленности форм именительного-винительного и косвенных падежей: *полтора – полтора, сорок – сорока, девяносто – девяноста*. Данная дихотомия поддерживается в языке чередованиями в основе (*дв-а – дву-х, -десят – -десят'*), ударением (одноударностью – двуударностью, его разноместностью: *пятьдесят – пятидесяти*), формами существительных при них (*два друга – двух друзей*) и особыми синтаксическими отношениями с именами: *пять столов* (исторически – управление с главным словом числительным, сегодня воспринимаемое как некое нерасторжимое синтаксическое единство идиоматического типа) – *пяти столов* – согласование, где числительное – определение. Сближению форм прямых падежей содействует также непоследовательное отражение подобными сочетаниями категории одушевленности: *вижу два коня* и *двух коней*.

Например, двуформность числительного *сто (ста)* влияет на склонение названий сотен, вызывая появление форм *двухста, двуста, трехста, о шестиста*. Таким образом, для многих современных носителей языка выразителем значений любых косвенных падежей явно стала форма родительного – вероятно, как ближайшая к прямому падежу, к тому же омонимичная формам

дательного и предложного падежей. Она же и лучше всего усвоена носителями языка (*есть проблема*, им. п. – *нет проблемы*, род. п.). На это указывает и уровень результативности выполнения заданий в тесте. Отсюда частотность форм *трехсот* (тв. п.) и *шестьсот* (предл. п.) – по аналогии с *двухсот*, а также *трехста* и *шестьста* – под влиянием формы род. п. *ста* – от *сто*.

Наиболее многочисленный словоизменительный класс в составе русских числительных – это слова типа *пять*, *двенадцать*, изменяющиеся по 3-му склонению (древнерусский тип на -ĭ, по женскому роду). В него сейчас активно вливается группа слов, называющих десятки, поскольку в их косвенных формах наблюдается утрата согласования «внутренних» и «внешних» окончаний: *шестьдесятю*, *шестьдесятью*, *шестьюдесяти* (тот же процесс можно отметить и в группе названий сотен – *трестами*, *тремстами*, *тристам*, *трехстам*). В названном склонении двуформности противоречит флексия творительного (окончания других косвенных падежей совпадают), что ведет к появлению искусственных форм, отмеченных ранее. При этом обращает на себя внимание то, что неверная для этого падежа форма типа *шестьдесяти* совпадает именно с родительным.

Исключительный характер форм творительного падежа для количественных числительных обусловил и самое значительное количество ошибок при образовании его форм. В связи с этим следует отметить еще один факт, выявленный в другом задании теста. В каждой второй работе одного из вариантов предложение *Библиотека располагает двумя тысячами четырьмястами восьмьюдесятью тремя книгами* было отмечено как грамматически неверное. И хотя задание не требовало корректировки ошибок, абитуриенты иногда предлагали свои варианты их «исправления»: *четыреста* или *четырехстами*, где один из корней имеет форму родительного падежа. Более того, частота, типичный характер такого употребления уже век назад дали основание для «реабилитации» подобных форм – «вполне возможно: *пятидесятью* и *шестьдесятью* вместо *пятьюдесятью* и *шестьюдесятью*» [14. С. 539–540].

В унификации форм числительных В.В. Виноградов усматривал подчинение их математическому мышлению: математические знаки «имеют синтаксис, но лишены морфологии», а в «числительных синтаксис явно преобладает над морфологией» [12. С. 234]. Разговор о разнообразии морфологических форм, гибридном характере парадигм числительных в современном русском языке ученый заключал замечаниями: «Грамматическое строение современных русских числительных ярко отражает приемы приспособления архаичной морфологии к новым формам мышления. Разрыв употребления и значения указывает на переходную стадию в истории числительных. Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества» [12. С. 254].

Исследовательница Е.А. Брызгунова предлагает видеть в смешении падежных флексий именных частей речи тенденцию к аналитизму, характеризующую язык в целом [15. С. 14–15], что делает актуальным пересмотр строгих норм словоизменения числительных, на которые указывал В.И. Черны-

шев и изменение которых было закреплено в грамматике Р.И. Кошутича 1914 г. [12. С. 241]. И коль скоро данная грамматическая ошибка имеет вполне объяснимую действием внутренних законов языка природу, то она вполне перспективна в плане грядущей нормативности: через двуформность к неизменяемости.

Говоря о причинах изменения склонения числительных, не следует забывать, что в грамматическом отношении счетные слова выделились через отказ от именных категорий. Так, с заменой согласования на управление родовые формы некоторых числительных, выражаемые окончаниями (**три, четыре жены – трие, четыре мѹжи**), утратились. Семантика количества, свойственная числительным, вполне логично отказала им и в такой категории, как число, – современные падежные окончания с позиций этой категории обесмыслены: *два, три, четыре* имеют парадигму множественного, а от *пяти* и далее – единственного числа. Ненужность в счетном ряду морфологии вполне закономерно подтверждается и отказом от категории падежа: «В счетной функции дискурс никаких определенных морфологических форм не требует и не предполагает... морфологические параметры для счетного ряда являются индифферентными» [2. С. 86].

Несмотря на то, что русская система числительных в основных своих чертах сложилась уже к концу древнерусского периода, в настоящее время продолжается их грамматическое обособление, выражающееся в сокращении моделей словоизменения, в стремлении к противопоставленности форм прямых (им. и вин.) и косвенных падежей. Подобная двуформность представляется переходным этапом к превращению количественных числительных в неизменяемые слова: утрата ими в современной речевой практике склонения есть закономерный языковой процесс, вызванный комплексом причин. Можно было бы говорить и об упрощении структуры числительных типа *шестьдесят, пятьсот* (квалифицировать *-десят-, -с(о)т-* как суффиксы или суффиксоиды), если бы не их еще живые лексические связи с числительными *десять* и *сто*.

Литература

1. *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 76–87.
2. *Жолобов О.Ф.* Древнеславянские числительные в этимологическом и сопоставительном аспектах // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. в Казанском университете (29–31 октября 2002 г.) / под ред. Н.А. Андрамоновой. Казань, 2003. С. 82–91.
3. *Степанов Ю.С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. № 4. С. 46–72; № 5. С. 5–31.
4. *Русская грамматика*: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980.
5. *Чеснокова Л.Д.* Имя числительное в современном русском языке. Ростов н/Д: Гэфест, 1997.
6. *Имя числительное как часть речи*: в 2 ч. / сост. М.А. Михайлов. Горький, 1986, Ч. 1; 1987, Ч. 2.
7. *Чернобородова Ю.О.* Функционирование собирательных и количественных числительных при обозначении лиц в современной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005.

8. Щеникова Е.В. Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
9. Дьячкова И.Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.
10. Галинская Е.А. Количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII в. // Общетеоретические вопросы изучения русского языка: Материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2007. С. 47–48. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/2.pdf>
11. *Историческая* грамматика древнерусского языка / под ред. В.Б. Крысько. Т. 4: *Жолобов О.Ф.* Числительные. М.: Азбуковник, 2006.
12. Виноградов В.В. Имя числительное // Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 233–254.
13. Дровникова Л.Н. История числительных в русском языке. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985.
14. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1914. Т. 1.
15. Брызгунова Е.А. Тенденции к анализируемости в русском языке: современное состояние // Общетеоретические вопросы изучения русского языка: Материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2007. С. 14–15. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/2.pdf>